

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.06

**ВИКТОР ПЕЛЕВИН
И ВОСТОЧНЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ****Чжэн Сяотин**

Столичный педагогический университет (Пекин),

100089, Пекин, Китай,

794103379@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-2786-7945>

Аннотация. С момента своего появления в литературоведческом дискурсе восточный постмодернизм как гипотетическое литературоведческое понятие не был всесторонне исследован. Современный русский писатель Виктор Пелевин объединил постмодерн с «восточностью» в определенном историко-культурном контексте. Его задачей было реализовать особый эксперимент постмодернистского творчества, сосредоточенного на Востоке. Восточный постмодернизм Пелевина невозможно исследовать только в рамках собственно русской литературной критики и литературоведения, так как он внес особый вклад в переформатирование восточной когнитивной парадигмы. Творчество Пелевина способствует установлению литературного диалога между Востоком и Западом и обогащает способы выражения русской литературы. Инклюзивность и универсальность пелевинского творчества характерны для творческой практики восточного постмодернизма. Литературная мысль Пелевина, основанная на восточной культуре, открыла новую область исследований для русской литературы.

Ключевые слова: Пелевин; восточный постмодернизм; ориентализм; восточные классики; китайская сказка.

Для цитирования: Чжэн Сяотин. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм. *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование».* 2022; 45 (1): 58–69. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.06

Благодарности: исследование осуществлено при финансовой поддержке научного проекта Столичного педагогического университета (Пекин) 2021 г. «Виктор Пелевин и китайская классическая литература» (№ 2022155114).

Original article

VICTOR PELEVIN AND EASTERN POSTMODERNISM

Zheng Xiaoting

Capital Normal University (Beijing),
100089, Beijing, China,
794103379@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-2786-7945>

Abstract. “Eastern Postmodernism” has not been fully discussed as a hypothetical literary concept since it was first put forward by Chinese and Russian scholars. Russian writer Victor Pelevin combines postmodern with oriental in a specific historical and cultural context in order to perform an experiment in postmodernist creativity focused on the East. Pelevin’s oriental postmodernist creativity goes beyond the criticism and research of the Russian literature, and makes positive contributions to updating the Eastern cognitive paradigm, establishing the principles of literary dialogue between East and West and enriching the means of expression of Russian literature. Pelevin’s phenomenon adds a new dimension to the Russian literature. Analyzing his works through the prism of Eastern postmodernism can potentially develop and enrich critical perception of Victor Pelevin in China and elsewhere in the world. The inclusiveness and universality of Pelevin’s creativity are typical of the creative practice of Eastern postmodernism. Pelevin’s literary thought, based on Eastern culture, opened a new field of research for Russian literature.

Keywords: V. Pelevin; Eastern postmodernism; orientalism; Eastern classics; Chinese tales.

For citation: Zheng Xiaoting. Victor Pelevin and Eastern Postmodernism. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education.* 2022; 45 (1): 58–69. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.06 (In Russ.).

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the scientific project of the Capital Normal University (Beijing) 2021 *Viktor Pelevin and Chinese Classical Literature* (№ 2022155114).

Введение. Восточный постмодернизм — это прежде всего своего рода постмодернистские мировоззрение и философия, основанные на истории Востока и восточных традициях мышления, образах и лексике. Он не подчиняется западному постмодернистскому дискурсу и привлекает внимание своей инклюзивностью и универсальностью. Творчество русского писателя-постмодерниста В. О. Пелевина, несомненно, относится к разряду восточной постмодернистской литературы. Следует отметить, что хотя С. Корнев и предложил понятие «восточный постмодернизм» еще в 1998 г. [1], но оно не привлекло большого внимания в России, не говоря уже о том, что восточный постмодернизм в России не стал литературным теоретическим концептом или направлением. В настоящей статье восточный постмодернизм соотносится с литературной практикой и поэтикой Пелевина.

Восточный постмодернизм в творчестве Пелевина — это межкультурный феномен. Взгляд писателя выходит за рамки русской истории и культуры

и обращен на Восток. Восток, который привлекает внимание Пелевина, противопоставлен монистическому и постхристианскому Западу; это Восток, представляющий собой комплекс мировой цивилизации, включающий китайскую, индийскую, исламскую, японскую цивилизации. Более того, если ориентализм — способ, используемый Западом для контроля, реформирования и доминирования на Востоке [2, с. 4], то «восточный взгляд» Пелевина относительно объективен. Пелевин рассматривает историю России посредством постмодернистских приемов и ищет пути выживания нации и отдельной личности с помощью восточной мудрости.

Формулирование понятия «восточный постмодернизм». Понятия «восточный постмодерн» и «восточный постмодернизм» были предложены в Китае и России во второй половине 1990-х гг., они описывают соответственно китайский и русский литературный постмодернизм, который отличается от западного постмодернизма. Китайский литературовед Цзэн Яньбин впервые предположил, что восточный постмодерн — это постмодерн после ориентализации [3, р. 13]. Его исследование было посвящено феномену постмодернизма в современной китайской литературе после 1980-х гг., историческим и культурным основам, ценностям и общим духовным характеристикам китайского восточного постмодерна. Русский критик С. Корнев в своей статье «Восточный постмодернизм: логика абсурда и “мышление между строк”» впервые соотнес понятия «восточный постмодернизм» и «восточная форма постмодернизма». Восток, с его точки зрения, это интегральный Не-Запад, а слово «восточный» автор зачастую использует как синоним слова «русский» [1]. Кардинальное различие между Востоком и Западом заключается в разных способах мышления. «Если западный постмодернизм — это заведомая игра и бессмыслица, то восточный — это логика, скрытая под маской игры и бессмыслицы» [1]. Кроме того, И. С. Скоропанова в монографии «Русская постмодернистская литература» (2001) выявила различия между западным (американским и западноевропейским) и восточным (восточноевропейским и русским) постмодернизмом, называя последний восточной модификацией постмодернизма [4, с. 28–30], которая более политизирована по сравнению с западной. Понятие «восточный постмодернизм» / Eastern Postmodernism в англоязычном мире было предложено относительно недавно. Американский ученый иранского происхождения Джейсон Мохегг (Jason Mohaghegh) использовал его в своей монографии «Бунтарь, поэт, мистик, сектант: четыре маски восточного постмодернизма» / «Insurgent, Poet, Mystic, Sectarian: The Four Masks of an Eastern Postmodernism» (2015). Но его Восток на самом деле Ближний Восток. Автор пишет в основном об исследовании постмодернизма как категории революционного сознания, авангардной литературы, «новой волны» в кинематографии и этнического экстремизма на Ближнем Востоке под влиянием западного модернизма, которые соответствуют четырем идентичностям в заглавии книги [5, р. 1–5].

Очевидно, что значение термина «восточный постмодернизм» в китайском, русском и англоязычном контекстах различно. В настоящее время это понятие обычно указывает на особые постмодернистские тенденции в национальных литературных процессах. С одной стороны, разные интерпретации словосочетания «восточный постмодернизм» помогают расширить богатство восприятия постмодернизма как феномена в глобальном контексте, преодолевая евроцентризм и логоцентризм. С другой стороны, такое понимание восточного постмодернизма в определенной степени узко и ограничено: исследователи рассматривают его только с точки зрения общественной культуры своей нации. По сути, такое мышление является отходом от плюрализма и децентрализации «классического» постмодернизма. Поэтому понятие «восточный постмодернизм» не должно связываться только с Востоком в географическом смысле. Тем более что Восток — это не естественное, а искусственно сконструированное бытийствование [2, р. 6–7].

Пелевин и его опыт восточного постмодернизма. Виктор Пелевин — один из самых знаменитых и таинственных писателей в современной русской литературе. С момента публикации первого рассказа в 1989 г. его называли классическим постмодернистом [6, с. 244], а его произведения «единственными бестселлерами серьезной литературы» [7, р. 272], поскольку они отличались особыми постмодернистскими свойствами и метафизическим характером. «Феномен Пелевина», «эпоха Пелевина» и «проблема Пелевина» тогда стали популярными литературными и социальными темами. В отличие от западной постмодернистской литературы у Пелевина всегда присутствуют две определенные темы. Одна из них — сатира на советский тоталитаризм и современный российский консьюмеризм. Вторая — поиски ответов на вечные вопросы: «Что есть истина?», «Реален ли мир?». В этом заключается духовный поиск главного героя Пелевина.

По сравнению с произведениями других русских постмодернистов произведения Пелевина носят явный оттенок «восточности». Пелевин широко освещает восточные мифы, восточные философские учения, начиная с Лао-цзы и Чжуан-цзы, восточные религии, включая буддизм, даосизм и шаманизм, китайскую литературу (например, рассказы-чжигуай и танские новеллы). Даже геополитическая ситуация, связи Китая, России и Монголии становятся объектом художественного осмысления Пелевина. Можно сказать, что связи с Востоком для него не ограничены внешними, поверхностными символами и заимствованиями. Мировоззрение и эстетика писателя соотносятся с восточной мудростью. Таким образом, Пелевин способен воспроизводить свой непрерывный «восточный текст». Однако в каком историческом контексте мы можем рассматривать творчество Пелевина как восточного постмодерниста? На основе изучения его творчества и биографии можно предложить четыре основных источника его восточного постмодернизма.

Во-первых, с конца 1980-х до начала 1990-х гг. одновременно происходит трансформация российского общества и идет процесс постмодернистской

глобализации. Сначала надежды на возрождение, а потом чувство разочарования, вызванные сменой государственного режима, охватывают целое общество и затрагивают каждого гражданина России. Пелевин в своих произведениях выражает тревоги, потери и ожидания, связанные с особым историческим путем России. С окончанием холодной войны и возникновением тенденции к многополярности мира Восток привлекает все больше внимания. Отказавшись от славянской православной традиции и западной либеральной демократии, Пелевин обратился к Востоку в поисках ответов, надеясь на то, что «алхимический брак с Востоком» [8, с. 49] принесет России новую силу. В то же время, как отмечали американский теоретик-марксист Фредрик Джеймсон (Fredric Jameson) и другие авторы, еще во время холодной войны постмодернизм как стиль и явление стал распространяться в странах третьего мира, прорвавшись за рамки модели западнцентризма. В России же постмодернизм был «легализован» начиная с конца 1980-х. Писатели-постмодернисты, такие как Пелевин, больше не были ограничены в темах, стилях и приемах творчества, им была дана полная свобода, а восточные элементы активно использовались молодым русским постмодернизмом. С 1990-х гг. постмодернизм на Западе приходит в упадок, но активная постмодернистская полемика на Востоке или в развивающихся странах свидетельствует о том, что эта теоретическая тенденция становится все более глобальной [9, р. 54].

Во-вторых, надо отметить, что русское китаеведение за последние триста лет добилось больших достижений. Советский Союз с 1950-х по 1980-е гг. пережил бум переводов и исследований в области китайской литературы. За вторую половину XX в. русское китаеведение активно развивалось: Россия стала одним из крупнейших центров китаеведения наряду с США, Японией и Европой. Именно на этом этапе в Советском Союзе один за другим были опубликованы переводы китайской литературы. Например, «Дао Дэ Цзин» Яна Хиншуна (1950), «Книга перемен» Ю. К. Щуцкого (1960), «Чжуан-цзы» Л. Д. Позднеевой (1957) и большое количество переводов древнекитайской прозы и поэзии. Пелевин признавал, что любил читать книги о Древнем Китае с детства [10]. В его произведениях — повсюду следы китайской культуры. Китайские философы Конфуций (孔子), Лао-цзы (老子), Чжуан-цзы (庄子), чань-буддисты (禅师), а также мифические и исторические личности: Фу Си (伏羲), Цзянь Цзы-Я (姜子牙), Люй Дунбинь (吕洞宾), Чжао Фэйянь (赵飞燕), Чжан Саньфэн (张三丰), монгольский Хан (蒙古汗), император Цинь Шихуан (秦始皇) и Юань Мэн (元蒙) — все они являются постоянными персонажами в произведениях Пелевина. «Книга перемен» (易经), «Дао Дэ Цзин» (道德经), «Чжуан-цзы» (庄子), «Инь фу цзин» (阴符经), «Гуань-цзы» (管子), «Лунь Юй» (论语), «Линьцзи лу» (临济录), «Записки о поисках духов» (搜神记), «Путешествие на Запад» (西游记), «О чем не говорил Конфуций» (子不语) стали материалами для творчества Пелевина, включая значимые китайские пословицы, выражения и иероглифы. Согласно нашей статистике, Пелевин процитировал и выдумал почти 40 китайских

исторических и мифологических персонажей в своих произведениях, 15 китайских литературных классических произведений и указал более 10 китайских географических названий. «Китай», «Древний Китай», «китайский» часто появляются на страницах Пелевина. Писатель обратил внимание на многоэтническую и многоконфессиональную природу Китая; его китайские темы основаны на переплетении истории, культуры и религии ханьцев, тибетцев и монголов и обнаруживают постоянное стремление русских изучить тайные, скрытые и отдаленные районы Китая начиная со второй половины XIX в. В предисловии к китайскому переводу «Generation П» Пелевин писал: «На китайском языке появилось много замечательных произведений, которые создали меня как личность» [11, р. 5].

В-третьих, важно учитывать ориентализацию Пелевина, т. е. его страсть к Востоку, круг общения и восточные путешествия писателя. Влияние восточной культуры на писателя часто проявляется в его жизни и творчестве. В романах «Числа» и «Священная книга оборотня» Пелевин описал многочисленные собственные переживания и реальные увлечения, такие как чаепитие и гадание по «Книге перемен», путешествия по даосским храмам в Китае. Личное понимание ментальности восточных народов также побудило его создать серию рассказов, основанных на точке зрения китайцев (Цзян Цзы-Я, Юань Мэнь) и японцев (Юкио Мисима). Даже в издательском дизайне обложки романа Пелевин уделяет большое внимание интерпретации восточных культурных элементов, таких как египетский бог солнца — сокол — в «Омон Ра» (изд. 2000 г.), китайская каллиграфия в «Священной книге оборотня» (изд. 2005 г.) и традиционная няньхуа фува (дети счастья в новогодней картине) в «П5» (изд. 2008 г.). В октябре 2001 г. Пелевин отправился в Японию для участия в круглом столе писателей. Одетый в китайский френч, он так ответил на вопрос «Что вас привлекло в Китай?»: «В Китай влечет очень много всего. Я очень люблю древнюю китайскую литературу. Очень многие направления человеческой мысли, которые меня всерьез занимают, возникли там. Я не понимаю, почему я только сейчас попал в Китай и почему я не езжу туда последние десять лет. Мне кажется, что у этой страны огромное будущее. Там чувствуешь прошлое и будущее и стоишь как бы на сквозняке, который дует из одного места в другое» [12].

У Пелевина довольно рано сформировался восточный круг общения: в основном он ограничивался русскими друзьями, которые разделяли общую любовь к восточной культуре. В их разговорах о буддизме, даосизме, чайном искусстве и т. д. они часто использовали общий язык и сходные термины. Например, русский переводчик Кастанеды, дзэн-буддист В. П. Максимов (1938–2014), китаевед Б. Б. Виноградский (1957), музыканты Б. Б. Гребенщиков (1953) и А. Ф. Скляр (1958) — почти все они стали прототипами персонажей Пелевина. В 1990-х гг. под влиянием Максимова писатель вступил в контакт с корейским чоге-буддистом Сунг Саном (송산, 1927–2004) и его международной школой «Кван Ум» (관음선종회) и много раз ездил в Южную Корею

с 1991 по 2001 г. Чаньская практика включает поклонение, чтение и медитацию, а также изучение чаньских коанов. Чаньская мысль и практика медитации, описанные в работах Пелевина, неотделимы от этого личного опыта. Например, героиня А Хули из романа «Священная книга оборотня» постоянно занимается духовной медитацией, она говорит: «Духовная практика лис включает в себя “созерцание ума” и “созерцание сердца”. Сегодня я решила начать медитацию с созерцания сердца» [13, с. 167]. В 2000 и 2005 гг. Пелевин последовательно посетил знаменитые даосские горы, такие как Цинчэн в провинции Сычуань, Хуаншань в провинции Аньхой и Удан в провинции Хубэй. Чувства, вызванные поездкой в Китай, описаны в романах «Числа», «Священная книга оборотня» и «Empire V». Кроме того, Пелевин также побывал во Внутренней Монголии и Тибете (в Китае), а также в Японии, Индии, Непале, Монголии, Таиланде и других азиатских странах.

Стратегии восточного постмодернизма у Пелевина. Что касается «восточности» в творчестве Пелевина, то следует сослаться на мнение русского критика А. Гениса, который назвал «Чапаева и Пустоту» первым русским дзэн-буддистским романом [14, с. 232]. Тем более буддистские элементы, содержащиеся в нем, являются не результатом стремления писателя к экзотическим эмоциям, а неизбежным выводом, сделанным Пелевиным в ходе наблюдений за современным обществом. Он использует восточные идеи и темы, чтобы завершить свою критику современного общества: по словам восточных мудрецов, «мир — это иллюзия» (世界即幻象) [8, с. 134]. Метафора сна бабочки Чжуан Чжоу (庄周梦蝶) часто проходит через роман, становясь самым мощным оружием Пелевина в его деконструкции реальности. Классическая китайская ментальность, согласно которой «любое движение вперед будет деградацией» (任何前进都是倒退) [8, с. 49], станет способом мышления пелевинских героев. Все это составляет концепцию «восточности» в постмодернистском творчестве Пелевина. В творческом процессе объединения «восточности» с постмодернизмом Пелевин использовал следующие стратегии.

Во-первых, это субъективный идеализм и диалектические принципы. С момента появления первого шедевра Пелевина «Чапаев и Пустота» («первый роман в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте») пустота (虚空) стала визитной карточкой Пелевина. Серия оригинальных метафорических символов писателя, таких как «глиняный пулемет», «мизинец Будды», «Внутренняя Монголия», «Урал» и «радужный поток», указывают на пустоту. По его мнению, пустота — это нигде, пустота — это неизмеримо широкая река, начавшаяся где-то в бесконечности и уходящая в такую же бесконечность, пустота — это все, что человек мог подумать или испытать, пустота — это Я. Поэтому главные герои Пелевина — Андрей, Петр Пустота, Затворник и Шестипалый, Митя и Дима, Степан, А Хули, Граф Т — все они без исключения решают убежать из мира в пустоту. Очевидно, что пустота — это субъективная идеалистическая концепция, объективированная писателем

и она является воплощением хаотического сознания, которое Пелевин извлек из «природы Будды» и «Дао». Он использует восточные религиозные и философские идеи для деконструкции внешнего мира, социальных норм и человеческих предрассудков. Одновременно это также насмешка над конкурирующими идеологиями и религиозными учениями. Такой подрыв традиций и авторитета является типичной постмодернистской игрой. Но, как сказал Корнев, игра в настоящем постмодернизме происходит не только на уровне художественной формы, но и на уровне философии [6, с. 245].

Вторая стратегия — это многовременное повествование. Чтобы преодолеть границу между реальностью и нереальностью, Пелевин часто использует в своих романах параллельные, двойные или многовременные пространства. В вымышленном мире Пелевина большинство его рассказчиков являются главными героями снов, потока сознания и главными героями-психопатами. Они используют подсознание вместо сознания, а также разговоры во сне и воображение вместо языка. Под действием галлюциногенов, таких как мухомор, «небесный гриб» и «порошок пяти камней», они отделены от реальности своими снами и галлюцинациями и рассматривают фантазию как более актуальную «реальность», чем реальность. Например, в романе «Чапаев и Пустота» есть четыре или более пространства-времени: первое — где дивизия Чапаева сражалась на фронтах Гражданской войны; второе — в московской психиатрической больнице после распада СССР; третье — где «черный барон» Юнгern привел Пустоту в Валгаллу; четвертое — где само создание романа мистифицировано и отнесено к 1923–1925 гг. в Кафка-юрте. Конечно, мы видим также пространство-время интерпретации предполагаемого автора предисловия к роману «Урган Джамбон Тулку VII» и пространство-время чтения читателя. В то время как роман «Generation П» разворачивается в России 1990-х гг., в которой находится главный герой Татарский, в фантазии героя, где он встречает богиню Иштар, и в особом рекламном пространстве-времени. Кроме того, Пелевин часто использует путешествия в качестве основного сюжета своих произведений, чтобы создать многовременное и многоперспективное повествование, а погоня и преследование главных героев романов не однолинейны. Герои действуют в параллельном пространстве-времени, тем самым становясь динамическими персонажами, развивающими сюжет.

Третья стратегия — это использование и привлечение восточной классической литературы. Мы уже увидели, что восточный постмодернизм Пелевина — процесс его ориентализации, который особенно проявляется в усвоении и применении восточной философии, религии и литературы в тех случаях, когда автор создает «китайскую сказку», «индийскую сказку», «японскую сказку» и другие восточные тексты. Как же Пелевин использует цитаты из китайской классики? Неслучайно в рассказе «СССР Тайшоу Чжуань» Пелевин добавил подзаголовок «Китайская народная сказка». Этот рассказ посвящен истории китайского крестьянина Чжана Седьмого, который отправился в СССР

и переживал взлеты и падения на протяжении всей жизни в своем сне [15, с. 82–96]. В нем Пелевин одновременно цитировал танские новеллы «Волшебная подушка» (枕中记) Шэнь Цзи-цзи и «Правитель Нанькэ» (南柯太守传) Ли Гун-цзо, при этом используя традиционную китайскую литературную тему «жизнь есть сон». В рассказе Пелевин смешал черты персонажей этих двух новелл Чунь-юй Фэня (淳于棼) и Люй Дун-Биня (吕洞宾), чтобы создать нового персонажа своей китайской сказки. Новизна пелевинского прочтения китайской классики заключается в том, что он прорывается сквозь оковы существующих сюжетных линий и проявляет большую творческую свободу. Пелевин использует китайскую классику, чтобы объединить несколько классических материалов друг с другом, и никогда не ограничивается пересказом классических сюжетов, но стремится создавать новые. В романе «Т» Пелевин цитирует два коана из истории китайского чань-буддизма: «Гуджи все [показывает] одним пальцем» (俱胝一指) и «Будда вроде дыры в отхожем месте» (佛如厕孔). Сами чаньские коаны имеют авангардный характер и играют особую роль в деконструкции действительности, что весьма соответствует восточному постмодернизму Пелевина. Более того, использование Пелевиным классики носит межэтнический характер. Например, рассказ «Гость на празднике Бон» (2003) основан на точке зрения японского писателя Юкио Мисимы, обсуждающего взгляд на смерть в классическом бусидо «Хагакурэ»: «Путь самурая — это смерть» [15, с. 494]. Однако в этой «японской сказке» Пелевин также цитирует китайскую идиому «любовь Егуна к драконам» (叶公好龙), которая обозначает показную привязанность и пустую болтовню. Дракон здесь — символ смерти, люди пугаются, когда он действительно приходит. Пелевин хорошо разбирается в приемах западного постмодернизма и восточной классической литературы, здесь он действительно достиг ориентализации постмодернизма. В произведениях Пелевина цитирование восточной литературы и западная интертекстуальность, восточные коаны и западная деконструкция, восточные аллонимы и западная «смерть автора» дополняют друг друга, формируя постмодернистский метод писателя с типичными восточными культурными характеристиками.

Заключение. Пелевин — один из немногих современных русских писателей, осознанно осуществивших поворот к ориентализму. Инициированная им практика восточной постмодернистской литературы — явление, которое нельзя игнорировать при изучении русской литературы. При переходе от модерна к постмодерну Пелевин занял в русской литературе доселе вакантную нишу Борхеса, Кортасара и Кастанеды, отчасти — Кафки и Гессе [6, с. 244].

«Восточность» и «постмодернизм» изначально представляют собой два сложных понятия, охватывающих геополитику, философию, образ мышления и теорию дискурса. Их сочетание подчеркивает гипотетические компоненты восточного постмодернизма. Однако в то время, когда понятие «восточный постмодернизм» все еще остается спорным, а теория восточного постмодернизма еще не сформулирована окончательно, восточный постмодернизм Пелевина предстает особенно

новаторским в русской и даже мировой литературе. По сравнению с традиционным западным ориентализмом Пелевин дает относительно объективную и глубокую оценку и интерпретацию Востока. Эта практика способствует проникновению западной когнитивной парадигмы на Восток. Отрадно, что большинство текстов, обсуждаемых и цитируемых Пелевиным в его восточном постмодернистском дискурсе, взяты из литературы неанглоязычных восточных стран, что помогает установить диалог между восточными и западными литературами.

В своем творчестве Пелевин критиковал давно устоявшийся западный централизм с точки зрения чужого. Постмодернистский взгляд на пустоту, который настойчиво продвигает писатель, направлен на устранение так называемого авторитета и центрального сознания. Это также трансцендентный взгляд на дебаты между славянофилами и западниками о пути национального развития России. Литературная мысль Пелевина, основанная на восточной культуре, открыла новую область исследований для русской литературы. Как сказал Цзэн Яньбин, «хотя люди могут критиковать и подвергать сомнению исследование восточного постмодернизма в различных литературных формах и средствах выражения, мы не можем отрицать огромные изменения, которые восточный постмодернизм привнес в литературу» [16, р. 22].

В плане обогащения средств выражения современной русской литературы восточный постмодернизм внес неоценимый вклад. С тех пор как Пелевин стал популярным в 1990-х гг., восточные темы и культурные факторы в современной русской литературе также заметно активизировались: в книге «Возвращение к Великой Белизне» (2001) С. А. Торопцев описал смерть великого поэта Ли Бо; серия романов Хольма ван Зайчика «Евразийская симфония» (2005) полна элементов традиционной китайской культуры [17, р. 149]; в конце повести «Метель» (2010) В. Г. Сорокин показывает китайцев в роли неожиданных спасителей доктора Гарина. Кроме того, восточный постмодернизм Пелевина имеет определенное положительное значение в утверждении популярной культуры и изменении языковых концепций. Автор статьи надеется, что обсуждение восточного постмодернизма Пелевина может вызвать новые более новаторские и глубокие дискуссии.

Список источников

1. Корнев С. Восточный постмодернизм: Логика абсурда и «мышление между строк». *Русский журнал*. 1998. 16 июня. URL: <http://www.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev.htm> (дата обращения: 10 июля 2021 г.).
2. 爱德华·瓦迪厄·萨义德. 东方学. 王宇根译. 北京: 生活·读书·新知三联书店; 1999: 1–10. Айдэхуа Вадие-Саидэ. Дунфансюэ. Ван Юйгэнь и. Бэйцзин: Шэнхо Душу Синьчжи Саньянь шудянь; 1999: 1–10. (На кит.).
3. 曾艳兵. “东方后现代” 四题. 当代文坛; 1997. (6): 13–14. Цзэн Яньбин. «Дунфан хоусяньдай» сыти. *Дандай вэньтань*; 1997. (6): 13–14. (На кит.).
4. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука; 2001. 607 с.

5. Mohaghegh J. B. *Insurgent, Poet, Mystic, Sectarian: The Four Masks of an Eastern Postmodernism*. Albany: SUNY Press; 2015. 329 p.
6. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? *Новое литературное обозрение*. 1997; (28): 244–259.
7. 刘文飞, 陈方. 俄国文学大花园. 武汉: 湖北教育出版社; 2007: 270–275. Лю Вэньфэй, Чэнь Фан. Эго вэньсюэ дахуаюань. Ухань: Хубэй цзяюй чубаньшэ; 2007: 270–275. (На кит.).
8. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус; 1996. 398 с.
9. 王宁. 东方主义、后殖民主义和文化霸权主义批判——爱德华·赛义德的后殖民主义理论剖析. 北京大学学报(哲学社会科学版). 1995; (2): 54–62. Ваннин. Дунфанчжуи, хоучжиминьчжуи хэ вэньхуа бацзоаньчжуи пипань — Айдэхуа Сайидэ дэ хоучжиминьчжуи лилунь поуси. *Бэйцзин дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань)*. 1995; (2): 54–62. (На кит.).
10. Кочеткова Н. Писатель Виктор Пелевин: «12 стульев» были для меня книгой о героических и обреченных людях». *Известия*. 2009; (30 октября).
11. 维克多·佩列文. “百事”一代. 刘文飞译. 北京十月文艺出版社; 2018. 412. Вэйкэдо Пэйлевэнь. “Байши” идай. Лю Вэньфэй и. Бэйцзин шиюэ вэньи чубаньшэ; 2018. 412 с. (На кит.).
12. Пелевин В. О. Когда я живу, я двигаюсь на ощупь. *26 октября 2001 семинар писателя в Токийском университете*. URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-jap/1.html> (дата обращения: 10.07.2021).
13. Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо; 2004. 384 с.
14. Генис А. А. Иван Петрович умер. М.: Новое литературное обозрение; 1999. 335 с.
15. Пелевин В. О. Все рассказы. М.: Эксмо; 2005. 512 с.
16. 曾艳兵. “东方后现代”的价值和意义. 创作评谭. 1998; (3): 21–22. Цзэн Яньбин. «Дунфан хоусяньдай» дэ цзячжи хэ ии. Чуанцзо пингань. 1998; (3): 21–22. (На кит.).
17. 龙影朦胧——中国文化在俄罗斯. 北京: 北京大学出版社; 2018: 140–158. Лю Ядин. Луньин мэньлун — Чжунго вэньхуа цзай Элосы. Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ; 2018: 140–158. (На кит.).

References

1. Kornev S. Vostochny`j postmodernizm: Logika absurda i «my`shlenie mezhdou strok». *Russkij zhurnal*. 1998. 16.06. URL: <http://www.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev.htm> (data obrashheniya: June 10, 2021). (In Russ.).
2. 爱德华·瓦迪厄·萨义德. 东方学. 王宇根译. 北京: 生活·读书·新知三联书店; 1999. 1–10. ài dé huá wǎ dí è sà yì dé. dōng fāng xué. wáng yǔ gēn yì. bēi jīng: shēng huó dú shū xīn zhī sān lián shū diàn; 1999: 1–10. (In Chinese).
3. 曾艳兵. “东方后现代”四题. 当代文坛. 1997; (6): 13–14. zēng yàn bīng. “dōng fāng hòu xiàn dài” sì tí. dāng dài wén tán. 1997; (6): 13–14. (In Chinese).
4. Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literature: ucheb. posobie dlya studentov filol. fak. vuzov. 3-e izd., ispr. i dop.* М.: Flinta·Nauka; 2001. 607 p. (In Russ.).
5. Mohaghegh J. B. *Insurgent, Poet, Mystic, Sectarian: The Four Masks of an Eastern Postmodernism*. Albany: SUNY Press; 2015. 329 p.
6. Kornev S. *Stolknovenie pustot: mozh et li postmodernizm by`t` russkim i klassicheskim? Novoe literaturnoe obozrenie*. 1997; (28): 244–259. (In Russ.).

7. 刘文飞, 陈方. 俄国文学大花园. 武汉: 湖北教育出版社; 2007: 270–275. liú wén fēi , chén fāng . é guó wén xué dà huā yuán . wǔ hàn : hú běi jiào yù chū bǎn shè; 2007. 270–275. (In Chinese).

8. Pelevin V O. Chapaev i Pustota. M.: Vagrius; 1996. 398 p. (In Russ.).

9. 王宁. 东方主义、后殖民主义和文化霸权主义批判——爱德华·赛义德的后殖民主义理论剖析. 北京大学学报(哲学社会科学版). 1995; (2): 54–62. wáng níng . dōng fāng zhǔ yì hòu zhí mín zhǔ yì hé wén huà bà quán zhǔ yì pī pàn — ài dé huá · sài yì dé de hòu zhí mín zhǔ yì lǐ lùn pōu xī . běi jīng dà xué xué bào (zhé xué shè huì kē xué bǎn). 1995; (2): 54–62. (In Chinese).

10. Kochetkova N. Pisatel' Viktor Pelevin: «12 stul'ev» by'li dlya menya knigoj o geroicheskix i obrechenny'x lyudyax». *Izvestiya*. 2009; (30 oktyabrya). (In Russ.).

11. 维克多·佩列文. “百事”一代. 刘文飞译. 北京十月文艺出版社; 2018. 412. ; wéi kè duō · pèi liè wén . “ bǎi shì ” yī dài . liú wén fēi yì . běi jīng shí yuè wén yì chū bǎn shè. 2018. 412 p. (In Chinese).

12. Pelevin V. O. Kogda ya zhivu, ya dvigayus' na oshhup'. *26 oktyabrya 2001 seminar pisatelya v Tokijskom universitete*. URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-jap/1.html> (In Russ.).

13. Pelevin V. O. Svyashhennaya kniga oborotnya. M.: E'ksmo; 2004. 384 p. (In Russ.).

14. Genis A. A. Ivan Petrovich umer. M.: Novoe literaturnoe obozrenie; 1999. 335 p. (In Russ.).

15. Pelevin V. O. Vse rasskazy'. M.: E'ksmo; 2005. 512 p. (In Russ.).

16. 曾艳兵. “东方后现代”的价值和意义. 创作评谭. 1998; (3): 21–22. zēng yàn bīng . “ dōng fāng hòu xiàn dài ” de jià zhí hé yì yì . chuàng zuò píng tán. 1998; (3): 21–22. (In Chinese).

17. 刘亚丁. 龙影朦胧——中国文化在俄罗斯. 北: 北京大学出版社; 2018: 140–158. liú yà dīng . lóng yǐng méng lóng — zhōng guó wén huà zài é luó sī . běi jīng : běi jīng dà xué chū bǎn shè; 2018: 140–158. (In Chinese).

Информация об авторе

Чжэн Сяотин — докторант Столичного педагогического университета (Пекин, Китай).

Information about the author

Zheng Xiaoting — Doctoral student, Capital Normal University (Beijing).